

Юрий Силоч

ПОСТМОРТЕМ

RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
С36

Силоч, Ю.

С36 Постмортем / Ю. Силоч. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 446 с.

ISBN 978-5-521-92141-6

Это история о дружбе, любви, взрослении и мертвецах.

Ещё тут есть интриги (в которых главный герой ничего не смыслит), призраки, некромантия, мудрые (как потом окажется, не очень) наставники, которые умирают в самый неподходящий момент, странная коррупционная схема, в основе которой лежат мёртвые лошади, коварный демон, реплики которого напечатаны жирным шрифтом, и обязательное Вселенское Зло.

Но дружба, любовь, взросление и мертвецы — это всё-таки главное.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92141-6

© Силоч Ю., 2023
© Сазанов А., оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Всё опять пошло наперекосяк.

Свежий ветерок летней ночи ворвался в тёмную комнату. Занавески пытались сдержать его и раздувались изо всех сил, притворяясь корабельными парусами, но проиграли — и тёмная комната мгновенно наполнилась запахами свежескошенной травы, тумана, отцветающей сирени и совсем немного — конюшни, расположенной неподалёку.

Ветер промчался по комнате и полистал страницы древнего фолианта в деревянной обложке, лежавшего у окна. Затем он позвенел сложными амулетами из стекла, хрусталя и кристаллов, раскачал висевшие на нитках под потолком пучки горьких трав. Заигравшись, он ворвался было внутрь белеющего на полке с книгами человеческого черепа, но испугался, отшатнулся и сбежал на улицу.

Там, в кустах сирени, стоит некая фигура в плаще и глядит вверх, в чёрный провал окна. Пока остановимся на том, что обладателя этой фигуры зовут Тальф и он взволнован.

Вот он примеривается и прыгает, протягивая руки к окну.

— Хэть! — он уцепился за подоконник. — Сейчас...

Кряхтение, сопение и прочий оркестр звуков, которые обычно издаёт человек, очень не желающий быть услышанным. Ладони напрягаются, пальцы бледнеют, кажется, ещё чуть-чуть — и их владелец...

Нет.

Не получилось.

Руки соскользнули и, царапнув ногтями по дереву, скрылись за окном.

Шипение.

Негромкое: «Ай-й-й».

Вторая попытка. Более удачная — возможно благодаря тому, что в этот раз кряхтения и тяжёлого дыхания было куда меньше.

Окно полностью заслоняет огромная чёрная тень. В комнате становится совершенно темно, и судить о происходящем можно лишь по звукам. Шорох ткани, скрип дерева, шелест бумаги... Громкий звон разбитого стекла.

Тальф сдавленно выругался и замер.

В коридоре слышались шаги — быстро приближающийся цокот каблучков по деревянному полу.

— Вот ты и попался, — в изголовье кровати сверкнули два маленьких зелёных глаза. Почти не тронутый тлением крыс с чёрной спинкой и белыми боками зевнул, показывая длинные зубы, и потянулся, расправляя длинный голый хвост.

— Тише, Клаус!.. — зашипел Тальф и пригнулся как можно ниже, стараясь слиться с полом.

Отворилась дверь — и свежесть летней ночи моментально сменилась невыносимым запахом формалина, перебитого тяжёлыми духами.

— Тальф! — позвали шёпотом. — Ты здесь?

Тальф замер, потому что домоправительница, чья высокая, строгая и тонкая фигура маячила на пороге, не могла видеть живые объекты, если те оставались неподвижны. У оживлённых мертвецов встречались разные отклонения: оно и неудивительно, ведь после смерти тела начинали стремительно и разнообразно разрушаться, но конкретно это нарушение Тальф считал очень полезным.

— Да, я тут, — отозвался он и показательно зевнул.

— Я слышала, как что-то разбилось!

Секундное замешательство.

— Наверное, силурийская трубка. Я оставил её на столе. Завтра уберу.

— Если бы я могла пройти, то убрала бы прямо сейчас. Ты же забудешь и утром обязательно порежешься!

Время шло, за окном громко стрекотали сверчки, призрак садовника тихонько подвывал какую-то песенку во время работы, но ответа на намёк домоправительницы не следовало.

Она переминалась с ноги на ногу. Пучок волос на макушке забавно трясся, когда женщина вглядывалась в темноту светящимися зелёными глазами и топталась на пороге, не в силах его переступить. Ещё бы, мел из карьера на Белом озере, толчёный розовый кварц и немного розмарина надёжно берегли комнату Тальфа от вторжения.

Если бы не они, бывшая любимая фрейлина королевы (а потом и не менее любимая фрейлина короля) не дала бы юноше никакого житья.

Что-что, а подбирать слуг хозяин дома и учитель Тальфа умел. Хоть и доводил до паралича дворцовую прислугу, когда во время визитов говорил нечто вроде: «Вы прекрасный садовник, этот куст просто произведение искусства! Кстати, как ваши сердечные колики?»

Не дождавшись ответа, домоправительница пробормотала себе под нос: «Несносный мальчишка», тихонько закрыла за собой дверь и простучала каблуками обратно в комнату, где проводила всё свободное время, стоя в тёмном углу и таращась мёртвыми глазами на портрет молодого короля.

— Несносный мальчишка, — передразнил Клаус. — Даже в моё время так не говорили, — грызун умыл передними лапами роскошные усы. — Ну рассказывай, коли разбудил. Кто она? Юна, свежа и прекрасна, как цветок? Её талия тонка и изящна, как виноградная лоза? Её перси тяжелы и сладки, как...

— Её зовут «Практическая некромантия» и «Всё пошло не так», — Тальф откинул капюшон и тут же лишился двух третей своей ширины и солидности: на месте загадочного ночного незнакомца оказался худой и нескладный юноша с длинными светлыми волосами, которые давно и настойчиво требовали внимания расчёски. Каждый локон жил своей жизнью и старался удивить владельца, выбрав самую причудливую форму и направление роста.

Молодой человек лихорадочно пытался нашарить на столе спички. Под подошвами его сапог хрустели осколки тонкого стекла невероятно дорогой силурийской трубки — и этот хруст отдавался болью в юном сердце.

— И почему я не удивлён? — ухмыльнулся крыс. — А среди её имён нет «Побег от горожан»?

— Сегодня обошлось, — пробормотал юноша. «Побег от горожан» была его любимицей. С ней они провели множество незабываемых страстных минут, когда сердце замирало в предвкушении встречи с чьими-то вилами, а во всём теле вдруг просыпались необычайная лёгкость и невиданная прыть.

Несмотря на то, что с занятий некромантией уже много столетий назад сняли запрет, горожане всё равно относились к магам с подозрением и были склонны считать, что если человек в балахоне сидит ночью на могиле прадедушки, то пришел он именно за прадедушкой, а не, скажем, за могильными червями для проведения ритуала.

Существовали, конечно, и лицензии, и официальные разрешения Ковена, но жители предпочитали сперва как следует огреть ночного копателя чем-нибудь тяжёлым, чтобы не убежал, и только потом выяснять, что он делает и по какому праву.

Проскребла и зашипела сера, непроглядную тьму рассеял маленький огонёк, который переместился за пыльное стекло масляной лампы.

Едва появилось хоть какое-то освещение, Тальф принялся бесшумно метаться по захламлённой комнате. Он огибал груды книг, открывал и закрывал шкатулки и сундучки, скидывал на пол одежду и бумаги, бился об острые углы мебели и осматривал все горизонтальные поверхности, заставленные странными приспособлениями и необычными сосудами. Наконец юноша замер, звонко хлопнул себя по лбу и бросился к полке, висящей под самым потолком. На тонкой дощечке теснилось множество склянок, пузырьков и флаконов с рукописными этикетками. Юноша перебирал их, приглядывался и неразборчиво бубнил: «Не то. Опять не то. О! Вот где она была всё это время!.. Снова не то. Да где же?..»

Интересовавшие его склянки, как это обычно и бывает, куда-то запропастились. Тальф пренебрёг главным правилом спешащего человека: никогда не показывать нужным вещам, что ты куда-то торопишься.

На полу зашелестела ткань: крыс прыгнул со стола и топтался по накидке, принюхиваясь и попискивая от удовольствия:

— Ничего себе! Цветы, лимон... А это что? — крыс на мгновение задумался, не прекращая активно шевелить носом. — Что-то свежее, растительное. А! Бергамот!

— Поздравляю, — пробормотал Тальф. «Да где же они, Тьма поberi?» — Ты почти определил состав сегодняшнего зелья. Разве что забыл жабы глаза и розмарин.

— Во-первых, запах духов прекрасной юной девицы от запаха твоих мерзких зелий я смог бы отличить и будучи живым, — оскорбился Клаус. — А во-вторых, розмарин я не упоминал, потому что ты и так им весь провонял, — в подтверждение своих слов крыс чихнул и потёр нос лапками.

Клаус был прав. Опыт старого гусара (которым он был при жизни) и обоняние крысы (в чьём теле он оказался из-за ошибки Тальфа) легко разоблачили нехитрый обман. Вернее, даже не обман, а полуправду: юноша действительно был на кладбище и действительно ходил туда, в том числе и за могильными червями, а вот с кем он это делал — уже другой вопрос.

Жозефина, в отличие от других знакомых Тальфу девушек, совершенно не боялась ночных погостов, и молодой человек иногда задумывался о причинах этого. Передался ли ей бесстрашный нрав предков, заполучивших трон в те далёкие времена, когда главным инструментом политической борьбы служила секира? Или, возможно, её успокаивало присутствие пары десятков королевских гвардейцев, чьи усищи ненавязчиво торчали из-за каждого дерева, куста и могильной плиты?

Принцесса всегда сама напрашивалась пойти с Тальфом, чему тот только радовался: лишние руки в его деле никогда не мешали. Поддержать что-нибудь, понести запасную лопату, стащить с королевской кухни целый куст розмарина, которого постоянно не хватало, отвлекать пробудившегося мертвяка, пока Тальф судорожно листает книгу в поисках подходящего изгоняющего заклятья... А гвардейцы — да и Тьма бы с ними, с гвардейцами. Пока они делают вид, будто их не существует, а Тальф

не пытается покуситься на честь наследницы престола, всё будет хорошо.

Впрочем, кто и на чью честь скорее покусится — это ещё большой вопрос, потому как Жозефина манерой поведения иногда пугающе напоминала Клауса.

— Давай помогу! — подал голос гусар и тоненько пискнул, когда юноша подхватил его и занёс над полкой с зельями.

— Трупная кислота, собачья известь и порошок можжевельника! — прошептал Тальф. — Ищи!

— Ого, — удивился крыс. — Кого ты там пробудил, древних богов? — нос быстро-быстро задёргался, усы заходили ходунном. Секунда текла за секундой, Тальф волновался всё сильнее. Наконец Клаус чихнул и опять принялся тереть нос. — Ох, ну и вонь... Вон та банка — это известь. Порошок в солонке, а мёртвая кислота в дальнем углу. Кажется, белый флакон из-под духов мадам Савари.

Тальф опустил крыса на пол, бесшумно выудил нужные сосуды и прочёл этикетки.

— Точно! Спасибо!

Откупорив их, он щедро сыпанул в кислоту можжевелевого порошка и затем очень осторожно добавил буквально несколько крупинок собачьей извести.

— Ой! — последней оказалось слишком много, и из горлышка вырвался фонтанчик светящегося фиолетового газа, который тут же впитался в потолок. Последний от этого не особо пострадал, поскольку впитывал вещи и похуже. — Спасибо, я побежал!

Клаус не успел спросить: «Так кого же ты, Тьма побери, пробудил?» — как Тальф поспешно забрался на стол, свесил ноги из окна, извернулся, повис на руках и с головой нырнул в тёплую летнюю ночь.

Счёт шёл уже на секунды.

Колдун быстрым шагом пересёк притихший сад с полупрозрачным садовником, вышел за ворота и пропустил из-за всех сил по тёмной улице. По обе стороны от дороги в багровое небо утыкались чёрные силуэты зловещих башен, произрастающих из не менее зловещих особняков.

Где-то совсем рядом сверкала огнями центральная улица. Она поднималась в гору, пока не упиралась в небольшую площадь перед воротами королевского дворца. Шумящая бесконечным праздником, сияющая витринами магазинов, ресторанов и кофеен, заполненная нарядными людьми и запруженная каретами, она была лицом и сердцем города. Но стоило загулявшему столичному жителю зайти за нарядные фасады — и он рисковал свернуть шею в совершенно диком овраге, где разве что волки не водились.

И Тальфу нужно было именно туда: пройти между двумя каменными заборами размером с крепостные стены, несколько раз поскользнуться и споткнуться о гнилые деревяшки, а затем спуститься на дно оврага, хватаясь за высокую траву. Там попытаться перепрыгнуть шумный ручеек (обязательно наступить в него и зачерпнуть ледяной воды через дырку в сапоге), обогнуть здоровенный куст опьяняюще ароматной черёмухи, перешагнуть вросшую в землю ограду из замшелых камней — и оказаться на старинном кладбище.

Разумеется, до него можно было добраться и другим путём: как-никак, древний погост, стиснутый с трёх сторон стенами и заборами, располагался почти в самом центре разросшегося за столетия Гримхейма. Но для этого пришлось бы сделать крюк в три квартала и заходить через центральную аллею, охраняемую сторожем, который успел хорошо запомнить лицо Тальфа, а также то, что от его ночных визитов хорошего ждать не приходится.

Все кладбища в мире устроены одинаково: чем ближе ко входу, тем аккуратнее всё выглядит. Надгробья вытягиваются по стойке смирно, склепы идеально оштукатурены, дорожки выметены, ограды сверкают свежей краской. Всё готово к встрече важных персон, всё подтянуто-отчищено-напомажено, как на строевом смотре или в доме старушки-тирана перед приходом гостей.

Но чем дальше, тем больше окружение расслабляется. Надгробья позволяют себе встать поудобнее, а дорожки, могилы, ограды и склепы меняют парадные мундиры на домашнюю

одежду — лишайники, плесень, ржавчину и бурые прошлогодние листья. Тальф же заходил с самого дальнего конца кладбища, где несведущий человек вряд ли бы понял, что это вообще за место.

Берёзовая роща, густые заросли крапивы. Ноги путаются в высокой мокрой траве, вместо могил — невысокие холмики, а от груд позеленевшего камня, которые давным-давно были величественными усыпальницами, тянет сыростью и болотом.

Тальф углубился в рощу и пробежал, тяжело дыша и спотыкаясь, по следу из примятой травы.

В иное время он бы обязательно заблудился в темноте, но сейчас путь был ясен как никогда. Ослепительные лучи тонкими серебристыми нитями пробивались сквозь листву, а в них переливались мириады беспорядочно мечущихся частичек, словно кто-то чихнул в банку с блёстками.

Наконец Тальф замер, спрятавшись за кустом. Его ноги промокли, накидка потяжелела и тянула вниз, а ко лбу прилипла паутина — ни капли героизма, ни грамма пафоса, ни градуса уверенности в себе.

Пока он бегал туда-сюда и искал зелье, в его сознании не находилось места сомнениям, зато сейчас, стоило остановиться, они опомнились, накиннулись на юношу и принялись его грызть.

«Может, надо было позвать на помощь?»

«Может, и надо было», — ответил Тальф сам себе.

А может, и нет. Вернейшим средством от порождений потустороннего мира всегда был мрачный мужик с серебряным мечом, но таковых поблизости не водилось, а лишний десяток дуболомов со шпaгами и пистолетами мог навредить Невесте так же, как кусок сочной вырезки — голодному уличному псу. Так что зелье, которое Тальф нёс с собой, оставалось лучшим из доступных средств. Кстати, где оно?

Молодой человек сунул ладонь в сумку, пошарил там и будто получил за шиворот ведро ледяной воды. Пропало!

А, нет. В следующее мгновение ладонь сомкнулась вокруг прохладной склянки, и юноша сделал один из самых долгих выдохов в своей жизни.